



ЛЮБИМЫЙ ГОРОД НАВЕЯЛ И ДОБРЫЕ, И ГРУСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

На днях, по воле случая, поехал с товарищем на его машине в Ширван. Меня переполняло желание показать Намику город, в котором я проработал 10 лет. Выехали из Баку в половине пятого утра и где-то в восьмом часу были на месте. Машину оставили в новом городе и пешком пошли в старый город через парк Физули.

Город только просыпался, что неудивительно в наших регионах. На улицах работали только уборщики и садовники. Редко появлялись маршрутки, развозящие горожан в старый город и обратно. От базара шли люди с большими авоськами, напичканными черешней, зеленью, мясом. Я засмотрелся на работу уборщиков и их руководителей. Первые молча выполняли свою работу, конечно, под руководством бригадиров в белых теннисках. Любо дорого было смотреть на то, с каким чувством собственной власти, и с суровым выражением лица, они отдавали указания. В парке было тихо. Только воробы и голуби купались в каналах ширванской Венеции.

Летали вороны, в кафешках готовили утренний чай и жарили кутабы. А мы уже быстрым шагом добрались почти до Сальянского круга, где сегодня расположился автовокзал, и готовились повернуть направо, чтобы на всех парах устремиться вперед, где нас ожидала Кура неукратимая, редакция городской газеты «Ишыг», в которой я надеялся увидеть хоть одно знакомое лицо.

И вот, наконец, мы прошли мимо Дома культуры, в котором была открыта входная дверь и работала уборщица. Здание излучало таинственную тишину и ничем не напоминало то время, когда здесь кипела жизнь, проводились значимые, и не очень мероприятия и было много детей. Сюда, на новогородные праздники я приобретал билеты для своей детворы и радовался, когда видел на их лицах благодарные улыбки. Всё это ушло в прошлое. Мне стало грустно оттого, что всего этого уже не вернешь. Хотя всё, что было здесь из старой архитектуры, сохранилось. И здание нашей типографии, где свинцовыми литерами набирала тексты Надежда Конопляникова. Здесь мы, корреспонденты, дежурили и уходили поздно вечером, когда очередной номер газеты бы свёрстан. Здание сегодня пусто и выставлено на продажу. Здесь, у здания можно увидеть фотографии погибших в Карабахской войне шехидов. Все молодые люди, которым только жить бы и жить.

Здесь же, у Дома культуры, крутились и скулили два бездо-

мных щенка. Их мама находилась поблизости, но ничем не могла удовлетворить их желание поесть. Я, конечно, учёл, что увижу подобную ситуацию и прихватил с собой в мешочке мясо (аг джигяр) для собак и раздал каждому по очереди. Досталось и их матери.

Животные успокоились и разлеглись на горячем от лучей июньского солнца, тротуаре. В это время с другой стороны дороги послышался голос: «Какой сердобольный человек. Сделал доброе, богоугодное дело. Спасибо тебе за доброту. Куда она девалась у нас после развала СССР».

Мы пошли дальше. Поворот налево и вот она наша, когда-то общая редакция газет: «Маяк» и «Ишыг». Наш «Маяк» закрыли в девяностых. А вот «Ишыг» продолжал работать. Сначала там был редактором Халилов, а после его смерти дело продолжил Фахреддин Рагимов. Он и встречал меня у редакционного стола. На его лице я увидел не показную радость при моём появлении. Мы обнялись и сели, чтобы поговорить. Из этой бесе-



сейнов. Продолжаем работать я, Расим насиров и Югуг Салманов. Мне стало грустно, когда, попрощавшись, невольно подумали, увидимся ли мы снова?

Проходя по прохладному полутёмному коридору редакции, я подергал за ручку дверь некогда нашей редакции, к которой последний раз прикасался целых тридцать лет назад. Дверь не поддавалась. Мне показалось, что там, за дверью кто-то тяжело вздохнул и охнул.

Путно строение, где когда-то располагался небольшой причал для катеров.

Кстати, в девяностые именно здесь мы обнаружили речное нефтеналивное судно «Вандал» – детище братьев Нобелей. Этот первый в мире танкер был построен на Сормовском заводе в 1903 году. Постройка первых в мире теплоходов началась в Сормове в 1902 году. Товариществом братьев Нобель («Брандербель») заводу были заказаны два однотипных судна – танкеры «Вандал» и «Сармат».

Тогда мы известили о находке сормовчан, которые прислали в Али-Байрамлы ныне Ширван своих представителей.

Пошли обратно. Думая о своём, я не замечал старых домов, в которых некогда проживали работники нашей редакции, старую гостиницу, здание горсмешторга, которое уже выставили на продажу... В Ширване, кроме «Ширванойла», не так много рабочих мест, где можно подзаработать на пропитание и необходимые товары.

Мы дошли до железнодорожного вокзала, где когда-то работала парткомом Екатерина Шацкая и проводила здесь субботники по озеленению местности. Я приходил сюда и записывал интервью с работающими людьми. Не было тогда никакого ощущения, что пригнали их сюда насильно.

Здесь и сегодня много лиственниц и клёнов. Мы немного посидели на перроне. Нас обдувал ветерок, донося запах шурта из бездействующего маслоэкстракционного завода, когда-то гремевшего на весь Азербайджан своими достижениями по перевыполнению плана.

Шацкой нет, она тоже умерла... А вот вокзал с деревьями стоит и навевает добрые воспоминания о том, как я приезжал сюда на электричке. Ехал целых четыре часа, сидя в вагоне без кондиционера на деревянной скамейке, которая подпрыгивала вместе со мной на рельсовых стыках...

Посидели, попили минералку из бутылок, и пошли дальше, возвращаясь в новый город к машине. Время шло, и надо было подумать и об обеде и о вкусном чае с чабрецом.

Вот на этой доброй и полугрустной ноте я завершаю свой рассказ о любимом когда-то городе, где была и работа, и люди, которые относились к другу другу как-то по особенному, с большей долей добра и понимания.

Семён КАСТРЮЛИН.



Сколько раз мы входили через эту дверь, чтобы пройти в свои кабинеты. Сколько просидели на «летучках» в кабинете редактора, сначала Вячеслава Нефёдова, а затем Видади Гусейнова. Сколько материалов было написано ручкой на листе бумаги и передано нашим машинисткам. А сколько макетов газеты создавал наш ответственный секретарь Земфира Фарзалиева. А обеды в кябабной, которая обслуживала работников городского военкомата. Я приучил и наших сотрудников, и соседей обедать здесь не за три рубля а всего лишь за 1 рубль 50 копеек, поедая и борщи, и макароны с котлетами, запивая компотом или чаем.

Кстати, обе наши газеты тогда курировала третий секретарь Горкома компартии Садагат Каграманова. Слышал, что она написала книгу о наших редакциях, в которой отметила и редакторов, и корреспондентов, и передовых членов наших коллективов...

Вместе с Намиком мы прошли в парк, названный в память о прокуроре И.Гаибове, погибшем в сбитом в небе над Гаркендом вертолёте в дни конфликта с Арменией. Прошлись по дорожке к памятнику Герою Советского Союза Ширину Шукюрову, который приходил к нам в редакцию и просил по-

своего дома или играть вместе с другими пенсионерами в домино. Человек, прошедший страшную войну, хотел всё время быть в гуще событий и жить полноценной жизнью. И это ему удалось. И за это мы его уважали.

И вот мы снова на бульваре в парке Ширина Шукюрова. Всё те же деревья, что и в советские годы, те же объекты и тот же бульвар. Из ресторана слышится музыка. Там сидят утренние посетители, не торопясь пьют чай и рассказывают анекдоты. Кажется, что время остановилось, и я снова попал в прошлое. Вот-вот подойдут на послеобеденное чаепитие Виктор и Аслан.

Мы закажем у знакомого чайханчика чай с чабрецом и сядем за стол, чтобы обсудить текущие планы и поговорить о том, куда поедем в свои отпуска за новыми впечатлениями. Я тогда ездил в молодёжные лагеря, которые находились в Прибалтике...

Тихо прошелестели листья в кронах деревьев, как будто души наших друзей приветствовали нас... живых.

Покинув парк, мы прошли до села под игривым названием Черпаглы. Нарвали немного уже поспевшего инжира с бесхозных деревьев, посмотрели на лежащих в тени от стен домов и отдыхающих коровушек и пошли обратно, снимав по-

